

ХУДОЖНИК-ПРОВИДЕЦ

Олег СЕМАК

«ЧЕЛОВЕК ИЗ ПОДПОЛЬЯ» ДОСТОЕВСКОГО КАК ФИЛОСОФ ПОСТМОДЕРНИЗМА, ИЛИ ИСКУШЕНИЕ СВОБОДОЙ

«С основания мира было две философии: философия человека, которому почему-либо хочется кого-то выпороть; и философия выпоротого человека».

В.Розанов «Уединенное»

Уже само название моего эссе может вызвать ряд вопросов. Например, какое отношение имеет парадоксалист «из подполья» к постмодернизму? Не является ли такой подход насильственной актуализацией Достоевского? Наконец, не происходит ли в данном случае такое расширение понятия «постмодернизм», которое просто-напросто превращает его в расхожую фразу?

Я думаю, что прежде всего надо сказать несколько слов о том, почему мы вообще на исходе века заговорили о «постмодернизме». Опыт современного человека, кроме всего прочего, может служить и иллюстрацией к афоризму Станислава Ежи Леца: «Все дороги ведут до Рима. Всеми можно проехать мимо». Механическая смена образцов, попытка из плюсов сделать минусы и наоборот желанных результатов не приносят. Каждый новый шаг человека на пути перемен ставит его в положение «Витязя на распутье». Попытка найти новый словарь для выражения актуальных проблем вместе с тем «спотыкается» о нежелание превратить ее в новую апологию нового. Потому что авторитет «социальных архитекторов» (О.Мандельштам), их попыток «новый мир» постро-

ить, настолько подмочен, что любой радикализм, прикрываемый даже обещанием «Я пришел дать вам волю» (В. Шукшин), вызывает саркастическую усмешку. Постмодернизм как интеллектуальная инициатива (или, точнее, как совокупность инициатив) привлек к себе внимание прежде всего нарушением диктата (диктатуры) монологизма, поиска единственно верного пути, единственно верного решения, и заменяет подобного рода усилия разноголосицей соревнующихся альтернатив, голосов...

Включение голоса «человека из подполья» в эту разноголосицу вполне допустимо, ибо, с одной стороны, постмодернизм в лице Лиотара утверждает, что «под его крышей» могут сойтись самые противоположные голоса, так как у нас нет легитимного права сказать, какой из них приобретает актуальную значимость, а с другой стороны, постмодернизм, разрушая основания, тем самым, как говорит Ваттимо, может дать право голоса тем направлениям, которые были не вполне оправданно отеснены. Иными словами, «постмодернизм» дает шанс обойденному. Можно сказать, позволяет стать актуальным тому, что уже есть, а не только тому, что только еще будет. Как сказал Кириллов в «Бесах»: «Есть много мыслей, которые всегда и которые вдруг станут новые» (10; 187).

Бесспорно, это эссе можно рассматривать как интеллектуальную игру или своеобразное «баловство», как сказал бы сам «человек из подполья», однако оправданное, если заставит задуматься. К слову, вполне уместно будет напомнить, что Френсис Фукуяма, без особого восторга взирющий на постмодерную философию как на «игру» интеллектуалов, которая им скоро надоеет, считает постмодернизм «инфантильным повторением», давно известным и взятым у Ницше и Хайдеггера. Зная, какое влияние на Ницше оказал Достоевский, мы сможем с еще большим интересом взглянуть на генетическую связь Достоевского и постмодернизма. Может быть, постмодернизм тоже является инфантильным повторением того, что уже было сказано Федором Михайловичем?

Обратим внимание только на ключевые моменты.

I. Круг первый. Достоевский близок к постмодернизму тем, что в век, когда, по его же словам, все жаждали «слушать учителей на все общественные и социальные темы», он имел смелость увлечь своих читателей к самостоятельному мышлению. Он, если и искал, то «новое слово», а не последнее. Окончателюность ему была чужда, он, автор огромных эпилогов, не мог окончить свои «истории», финал всегда открыт. В определенном смысле каждая его последующая книга вела диалог с предыдущей. Он не учит, не поучает, иронизирует, но не высмеивает. Достоевский помогает рождению мыслей, инициирует диалог различных голосов, только это и легитимирует его как мыслителя. Он не автор системы, он конструктор и деконструктор контекстов, в которых идеи проходят проверку. Сознвая дистанцию между автором и его героем, все-таки могу сказать, что и «человек из подполья» также ведет диалог с читателем, не ставя все точки над *i*, он зовет мыслить вместе. Думаю, что новаторство Достоевского состоит также в том, что он не придал

своему герою статус социальной значимости, той авторитарности, которая с необходимостью знает, что за А всегда следует Б. Замечательно, что тот, кто себя называет «антигероем», «парадоксалистом», «злым», «смешным» человеком, не есть платоновский Сократ и не Заратустра Ницше, это маленький чиновник, который говорит свое слово, подтверждая право каждого голоса высказаться.

II. Круг второй. С постмодернизмом «человека из подполья» роднит и вопрос о легитимности оснований наших дел. На каком основании мы можем «жить спокойно и умирать торжественно», кто может сказать, что человеку «выгодно» и почему он к этой выгоде должен обязательно стремиться? Почему мудрецы считают, что «человеку надо непременно благоразумно выгодного хотения», тогда как человеку надо «одного только *самостоятельного* хотения» (5; 113)... Что же можно ожидать от такого человека, вопрошает он и продолжает: «Да осыпьте его всеми земными благами, утопите в счастье совсем с головой, так, чтобы только пузырьки вскакивали на поверхности счастья, как на воде; дайте ему такое экономическое довольство, чтоб ему совсем уж ничего больше не оставалось делать, кроме как спать, кушать пряники и хлопотать о непрекращении всемирной истории, — так он вам и тут человек-то, и тут, из одной неблагодарности, из одного пасквиля мерзость сделает» (5; 116). Используя свой словарь, «человек из подполья» сомневается, что есть линейные пути поступательного прогресса к счастью. Возможно, что вслед за Энквистом он мог бы сказать, что не верит в ход истории как тока реки, история человечества скорее похожа на скачки кузнечика.

Он вообще не принимает мысль, что человек может быть чем-то вроде «фортепьянной клавиши», ибо считает, что «ведь все дело-то человеческое, кажется, и действительно в том и состоит, чтоб человек поминутно доказывал себе, что он человек, а не штифтик!» (5; 117).

Он сомневается в успешности диктатур всех самых благоразумных целей. Сомневается и в том, что мы со всей определенностью можем гарантировать успешность своих начинаний («Ну а как я, например, себя успокою? — говорит «человек из подполья», — Где у меня первоначальные причины, на которые я упрусь, где основания? Откуда я их возьму?» (5; 108)) Он как бы потихоньку подводит нас к мысли: а может быть, мы сами должны быть создателями правил игры, имя которой жизнь, и наш удел отважиться жить в неизвестности...

III. Круг третий. Начиная как бы третий круг рассуждений о постмодернизме «человека из подполья», я хотел бы напомнить, что мыслители постмодернизма, наученные горьким опытом террора **ВЕЛИКИХ ЦЕЛЕЙ** и на них основанного принудительного всеобщего единства, настойчиво подчеркивают важность нашей разноликости или, как сказал бы Лиотар, нашего гетероморфизма, а не изоморфизма, ибо испытывают прямо генетический страх перед превращением каждого из нас в человека массы. Они не атомизируют мир людей, а только обращают наше внимание на то значение, которое приобретает для нас сегодня

создание такого сожительства людей, при котором человек может ставить вопросы и искать ответы, не рискуя ни своей, ни чужой жизнью. И если уж мы не можем не говорить о цели, то приемлемость целеполагания и состоит в достижении «приемлемой смеси ненасильственного согласия с толерантным несогласием» (Р. Рорти). Иными словами, вырисовываются контуры перспективы — не утонуть человеку в некоем всепожирающем «МЫ», в новом фундаментализме, а пытаться устроить такое сожительство каждого с каждым, при котором опыт каждого отдельного человека может стать исходным пунктом для всех остальных. При этом значимость и актуальность этого голоса приобретается не на основе авторитета или диктатуры среды, а прохождением через горнило дискуссий и критики других голосов, не утрачивая своей неповторимости и оригинальности. Эта инициатива рассчитывает на нашу солидарность и толерантность как условие того, что сохранится гетероморфизм голосов. Каждый голос должен иметь шанс быть услышанным. Наша разумность заключается не в производстве рецептов спасения разом на все времена, а в способности искать оптимальные решения для того, чтобы жизнь не утратила свое «разноцветие», так как мы не всегда все знаем и не всегда все можем, и нашими знаниями о жизни наша жизнь не исчерпывается.

А теперь дадим слово самому «человеку из подполья»: «Ведь я, например, совершенно естественно хочу жить для того, чтоб удовлетворить всей моей способности жить, а не для того, чтоб удовлетворить одной только моей рассудочной способности, то есть какой-нибудь одной двадцатой доли всей моей способности жить, Что знает рассудок? Рассудок знает только то, что успел узнать..., а натура человеческая действует вся целиком, всем, что в ней есть, сознательно и бессознательно, и хоть и врет, да живет» (5; 115). Он отстаивает свое право на «каприз», потому что «во всяком случае сохраняет нам самое главное и самое дорогое, то есть нашу личность и нашу индивидуальность» (5; 115). Вслед за этим вспомним его знаменитые слова: «Может быть, что и вся-то цель на земле, к которой человечество стремиться, только и заключается в одной этой непрерывности процесса достижения, иначе сказать — в самой жизни, а не собственно в цели...» (5; 118). Заметим снова, что отстаивая право на непохожесть, «человек из подполья» ни разу не превращается в пророка или проповедника — свои утверждения он формулирует в форме вопроса или как одну из возможностей. Тем самым он все время как бы продолжает непрерывный диалог с читателем. Все, о чем он говорит, он тут же делает объектом дискуссии.

Недопонятость и недооценка «Записок из подполья» как раз и вытекают из того, что, испытывая определенную долю «шока» от рассуждений «человека из подполья», читающая публика все-таки искала некий урок из всего сказанного, или, как говорили в XIX веке, «тенденцию». Если же ее не находила, то считала все сказанное не слишком значительным, не замечая, что наш «антигерой» все время приглашал задуматься

над простой, но небанальной мыслью: а не заключается ли вся суть нашей жизни в том, чтобы прожить ее самостоятельно, по собственному разумению. К слову, если уж «человек из подполья» и дал старт какой-либо «тенденции», то ею было отстаивание значения частной жизни человека. «Тенденция» эта подхвачена В.Розановым и И.Бродским, хотя и у них она воспринята как проявление интеллектуальной экстравагантности. И.Бродский недвусмысленно говорил об этом в своей «Нобелевской лекции»: «...если искусство чему-то и учит, то именно частности человеческого существования....Независимо от того, является человек писателем или читателем, задача его состоит прежде всего в том, чтобы прожить свою собственную, а не навязанную или предписанную извне, даже самым благородным образом выглядящую, жизнь». В.Розанов же писал: «Народы, хотите ли, я вам скажу громовую истину, какой вам не говорил ни один из пророков...

– Ну? Ну? ...Хх...

– Это что частная жизнь выше всего».

Вместе с тем, заострение внимания к частной жизни человека является не отрицанием социальности, а попыткой задуматься над тем, что важнее – строить «хрустальный дворец» для человечества, или же вся суть общественной активности должна быть направлена на то, чтобы человек мог прожить круг своей жизни наиболее полно и без лишних страданий. Это согласуется с одним из социально-философских постулатов: политическая позиция имеет смысл, если она направлена на уменьшение жестокости в сообществе людей и не заставляет человека для реализации своих представлений обязательно включаться в некую «светскую конфессию».

В заключение следует сказать, что постмодернизм тоже не застрахован от опасности сделать из своего СЛОВА – ФРАЗУ (если используем известный афоризм Станислава Ежи Леца) из-за излишнего релятивизма и критицизма на грани гиперкритицизма. По существу, он дает повод как для цинического отречения от попыток сделать что-либо, так и для большей трезвости при определении наших возможностей. Если в подтексте «Записок из подполья» звучит не артикулированный вопрос – как жить, если я не хочу быть строителем «хрустального дворца», то в подтексте постмодернизма как «философии на перекрестке» звучит тот же вопрос; но вопрос этот не ожидает окончательного решения, а направлен на ориентацию в определенном контексте – как нам жить, не утратив нашу разноликость. Однако вопросы для того и существуют, чтобы искать ответы. Ганс Кюнг пытается найти удовлетворительный ответ. Он утверждает, что постмодернизм не может остановиться ни на позиции радикального плюрализма, ни на позиции релятивизма. Не может он развиваться и по направлению к униформизму, хотя и не в состоянии отвергнуть потребность элементарной интегрированности человеческого сообщества: провозглашая собственные представления о жизни и реализуя их, люди должны быть способны жить совместно. Его

проект «совместного этоса» находится в стадии обсуждения мировой общественностью (речь идет о книге Hans Kung: Projekt Weltethos, GmbH, München, 1990, которая уже издана на 8 языках). Станет ли он парадигмой нашего сосуществования — покажет будущее. Возможно, инициатива Г. Кюнга — это уже выход в зазеркалье постмодернизма, что также покажет будущее. Ясно одно — один из возможных ответов уже дан и он рассчитывает на признание через дискуссию о нем, а не размахивает обухом директивности. Не нашел для себя удовлетворительного ответа и «человек из подполья». Однако он осознал, что идеи не могут быть петлею на шее «живой жизни», надо иметь смелость ставить вопросы уже хотя бы для того, чтобы не забывать, что ты человек и чего-то хочешь. Открытость не есть недостаток, открытость финала есть приглашение к диалогу, к поиску ответа. Ведь не для красного словца «человек из подполья» говорил: «Господа, меня мучают вопросы; разрешите их мне» (5; 117).